DOI: 10.53737/2713-2021.2025.84.97.001

Б.М. Хасенова

ГЕНДЕРНАЯ СИМВОЛИКА КИМЕКСКИХ УКРАШЕНИЙ*

Археологические материалы Прииртышья являются ценным источником сведений о костюме населения евразийских степей эпохи Средневековья. Особое значение в этом контексте приобретают украшения, в частности серьги и височные подвески, выявленные в погребениях кимеков IX—XI вв. Их форма и материал (бронза, серебро, золото) позволяют проследить как социальную дифференциацию, так и этнокультурные процессы. На основании анализа более 100 захоронений, 31 из которых содержали серьги, выявлено, что округлые формы преобладали как в мужских, так и в женских погребениях, тогда как массивные варианты использовались скорее, как подвески для женских головных уборов. Золотые серьги фиксируются преимущественно в богатых мужских захоронениях, тогда как бронзовые характерны для всех групп рядового населения. Сопоставление с материалами огузов и других тюркских племен показывает сходство в символике и распространении украшений, что отражает процессы формирования новых государственных объединений. Серьги в данном контексте выступают не только элементом костюма, но и важным индикатором пола, статуса и культурных трансформаций средневековых сообществ Великой степи.

Ключевые слова: Средневековье, Кимекский каганат, гендер, украшения, символика, погребальный обряд.

Сведения об авторе: Хасенова Бакыт Мулдашевна, PhD, Институт археологии им. А.Х. Маргулана.

Контактная информация: 050010, Казахстан, г. Алматы, пр. Достык, 44, Институт археологии им. А.Х. Маргулана; e-mail: alicar@inbox.ru.

Bakyt Khassenova

GENDER SYMBOLICS OF KIMEK JEWELRY

Archaeological materials from the Irtysh region represent a valuable source of data about the costume traditions of the Eurasian steppe peoples during the Medieval period. Of particular significance in this context are personal jewellery, especially earrings and temple pendants, discovered in Kimek burials dating from the 9th — 11th cc. Their forms and the materials used (bronze, silver, gold) provide insights into both social stratification and ethno-cultural processes. Based on the analysis of over 100 burials, 31 of which contained earrings, it has been established that rounded shapes predominated in both male and female graves, whereas more massive types were likely used as pendants attached to women's headdresses. Gold earrings are primarily discovered in wealthy men's burials, while bronze ones are typical of the common people. A comparison with finds from the Oghuz and other Turkic tribes reveals similarities in the symbolism and distribution of these decorations, reflecting broader processes involved in the formation of new state entities. In this context, earrings function not only as elements of traditional attire but also as important indicators of gender, social status, and the cultural transformations of medieval societies in the Great Steppe.

Key words: Middle Ages, Kimek Khaganate, gender, jewellery, symbolism, funeral rite.

About the author: Khassenova Bakyt Muldashevna, PhD (History), Margulan Institute of Archaeology.

Contact information: 050010, Kazakhstan, Almaty, 44, Dostyk Ave., Margulan Institute of Archaeology; e-mail: alicar@inbox.ru.

---

* Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2025, ИРН проекта AP19678689.

Статья поступила в номер 30 августа 2025 г.
Принята к печати 14 сентября 2025 г.

© Б.М. Хасенова, 2025

Они украсили свои уши,
до которых донеслись благоприятные известия,
серьгами успеха…
«Акбар-наме»
Абу-л Фазл Аллами

Введение. Важным источником сведений о костюме эпохи Средневековья евразийских степей являются археологические материалы, полученные на территории Прииртышья. В результате исследования памятников, оставленных населением Кимекского каганата, хронологические рамки существования которого определяются в пределах IX—XI вв., выявлены многочисленные детали костюма, выполненные, по-преимуществу, из металла. Украшения кимеков представлены такими изделиями, как навершия головных уборов, подвески, амулеты, серьги, застежки-подвески, нашивки и т.д. Особое место среди них занимают серьги, являющиеся с точки зрения археологической науки, важным источником для изучения хронологии, этнокультурной истории населения различных эпох. Они несли в себе функцию оберега, обозначали статус, демонстрировали эстетические вкусы своих владельцев. Неотъемлемой частью богатейшей символики этих изделий являются гендерные аспекты. На основании изучения украшений из средневековых погребений Прииртышья, в частности серег, возможно рассмотреть, как в предметном мире отображалась символика пола.

Кимекский каганат в период своего наивысшего могущества — в середине IX в., по данным письменных источников, занимал обширную территорию: «приблизительно от юго-восточной части Южного Урала до Приаральских степей на западе, с земель Центрального Казахстана до Северного Прибалхашья, включая часть территории Северо-Восточного Семиречья на юге, от Западного Алтая до Кулундинской степи на востоке и до лесостепной полосы на севере» (Кумеков 1972: 58). Исходя из археологических материалов считается, что центром этого средневекового государства является Верхнее Прииртышье (Савинов 2005: 285). Согласно сведениям арабского географа ал-Идриси, 12 городов кимеков, среди них столица каганата, размещались в бассейне реки Гамаш, которая отождествляется исследователями с рекой Иртыш (Кумеков 1972: 118).

На страницах письменных источников фигурируют следующие этнические наименования для населения, занимающего в эпоху раннего и развитого Средневековья, Прииртышье и сопредельные территории: кимаки, кумаки, йемеки, кимеки, каи. Этноним «кимак», по данным С.М. Ахинжанова, является характерным только для мусульманской письменной традиции и нигде более не встречается (Ахинжанов 1999: 109). Б.Е. Кумеков пришел к выводу, что практически во всех источниках это слово написано удивительно единообразно и может читаться, как кимак и кимек (Кумеков 1972: 33). Первоначально ученый придерживался первого варианта, но в дальнейшем пришел к выводу о том, что вторая формулировка предпочтительнее (Кумеков 1990). Аналогичного прочтения данного этнонима придерживался ещё один известный востоковед Ю.А. Зуев (Зуев 1992: 40).

Материалы и методы. В погребениях, обнаруженных в Прииртышье и на сопредельных территориях, зафиксированы следующие варианты серег или височных подвесок, выполненных из бронзы, серебра, золота: 1) с подвесками; 2) округлые. В большинстве своем, они являлись серьгами, но некоторую их часть в связи с массивностью дужки, видимо, следует обозначить в качестве подвесок, которые крепились к головному убору. В количественном отношении, преобладают округлые серьги, они встречаются одинаково часто, как в мужских, так и женских погребениях. Определение пола осуществлялось на основании состава сопроводительных вещей в погребении, также в некоторых случаях имеются антропологические данные.

В рамках проведения исследования предметов украшений из средневековых погребений использованы сравнительно-исторический, сравнительный, искусствоведческий анализ,

классификационный, семантический методы. В рамках классификационного метода выполнена работа по определению основных типов вещевого материала.

При обработке коллекций художественного металла использование искусствоведческого анализа позволило получить ценные сведения о специфике языка искусства эпохи Средневековья. Важнейшей частью работы на стадии интерпретации археологических материалов является использование сравнительно-исторического анализа. Задействованы данные письменных источников, этнографические материалы. Изучение символики предметного мира эпохи Средневековья, этнографического времени возможно на основании семантического метода. Сравнительный анализ дает основание для поиска аналогий, дающих возможность определить хронологические и территориальные рамки изучаемых процессов.

Обсуждение. В целях выявления и изучения интересующей категории украшений изучены материалы порядка 100 погребений с территории Обь-Иртышского междуречья, в результате, выявлено 31 из них, которые содержали серьги или височные подвески. С точки зрения половой принадлежности, 10 захоронений определяются, как мужские (в выборке есть юноша и подросток), 21 — женские.

Округлые серьги зафиксированы в 16 женских и 10 мужских погребениях. Это довольно однотипные украшения, выполненные в технике волочения и гнутья из округлого в сечении прута они представляют собой окружности небольшого диаметра с сомкнутыми или соприкасающимися окончаниями.

Кимекские женщины носили эти украшения с одной или по обеим сторонам головы. При их изготовлении использовались бронза, медь, серебро. По обеим сторонам черепа бронзовые серьги обнаружены в пяти случаях: курган № 145а Зевакинский могильник (Арсланова 1998: 100, рис. 2: 7), курган № 3, Бобровский могильник (Арсланова 1980: 84—85), курган № 7, Покровский могильник (Арсланова 1980: 84—85), могила 1, курган 6, Трофимовский могильник II (Арсланова 2013a: 398), погребение 3, объект № 9, могильник Когалы I (Археологические памятники 1987: 238—239, рис. 113: 3—4). В верхней части серёг кургана № 145а Зевакинского могильника сохранились узкие полоски кожи (Арсланова 1998: 100, рис. 2: 7).

По одной бронзовой или медной зафиксировано также в пяти случаях. Бронзовая серьга находилась слева у черепа в погребении 8 объекта № 2 могильника Акчий II (Археологические памятники1987: 167—168, рис. 84: 25), а также возле локтя в погребении кургана 2 могильника Гилево XVI (Могильников 2002: рис. 139: 2). В одном случае (могила 3, курган № 4, Зевакинский могильник) не указано точное местоположение этого украшения в области головы (Арсланова 2013b: 46). Дважды не удалось определить первоначальное местонахождение бронзовой (курган № 2, могильник Корболиха II) и медной (курган 7, могильник Гилево IX) серьги из-за ограбления (Могильников 2002: рис. 71: 1).

Серебро, в качестве материала для изготовления этих украшений в женском костюме, использовалось не столь часто, как бронза. В двух случаях серьги из драгоценного металла находились с правой стороны черепа: могила 3, ограда 2, Зевакинский могильник, объект № 253/3, Зевакинский мог. (Арсланова 1998: 99, рис. 1: 22). По обе стороны они зафиксированы в погребении 2 объекта № 2 могильника Акчий III (Археологические памятники 1987: рис. 91: 6). Единожды встречен необычный вариант их использования. При исследовании объекта № 2 могильника у с. Белокаменка выявлено, что женщина могла носить такие изделия по двое с обеих сторон головы (Археологические памятники 1987: 142—143, рис. 74: 10, 15—16).

Судя по данной выборке, женщины Кимекского каганата носили, по-преимуществу, бронзовые серьги, одну или две. Предпочтений в выборе правой или левой стороны не зафиксировано.

В мужском костюме эти украшения использовались аналогично, но следует обратить внимание на присутствие золотых изделий, также довольно часто встречаются серебряные.

Золотые серьги украшали уши мужчин-воинов из погребений кургана № 145 Зевакинского могильника (Арсланова 2013c: фото 4), кургана № 4 могильника Корболиха

VIII (Могильников 2002: рис. 171, *13—14*). Встречены они также в захоронении юноши (погребение 2, курган № 4, могильник Гилево VII) (Могильников 2002: рис. 48: 18—19).

По две серебряные зафиксированы в двух случаях: к. 1, Гилево XIII (Могильников 2002: рис. 99: 4—5), погребение 2, курген 3, Гилево XIII (Могильников 2002: рис. 102: 12). По одной: погребение 1, курган № 4, могильник Гилево XII (Могильников 2002: 18, рис. 91: 5), курган № 117, Зевакинский могильник (Арсланова 1972: табл. I: 5).

Пара ушных украшений из бронзы обнаружены в погребении подростка из кургана № 1 Орловского могильника, погребении взрослого из объекта № 1 могильника Акчий III. В первом случае, они лежали справа у черепа (Арсланова 1969, рис. 1: 5), во втором — в области ключиц (Археологические памятники 1987: рис. 88: 13). Также по одной серьге зафиксировано в кургане № 39 Зевакинского могильника (лежала между ключицей и нижней челюстью) (Арсланова 1969: 192), кургане № 2 могильника Корболиха VIII (Могильников 2002: рис. 167: 2).

Особую категорию украшений, продолжающих в среде населения Кимекского каганата традиции древнетюркской эпохи, представляют серьги с подвесками. В их оформлении ярко отобразилось своеобразие художественного вкуса древних зергеров эпохи Средневековья и их заказчиков. В основе дизайна этих изделий, обнаруженных в погребениях с территории Прииртышья, лежат серьги т.н. салтовского типа, являющиеся в предшествующее древнетюркское время, как и пояс, символом мужчины-воина. К числу отличительных элементов их декора относятся оформление в верхней части дужки жемчужины, крепящейся на маленьком шпеньке или имитирующего её металлического шарика, а также наличие раструба, от которого вниз спускались подвески различной длины, украшенной бусинами, колечками с зернью.

В свою очередь, кимекские зергеры привносят некоторые новшества. В отличие от изделий предшествующего времени, некоторые украшения кимеков имеют массивную дужку и одну крупную округлую подвеску. Интересной деталью является украшение дужки по внешнему краю выпуклой полоской, со штриховкой мелкими поперечными линиями. Таким образом, видимо, кимекские мастера имитировали технику зерни или филиграни. Судя по массивности дужки, следует предположить, что какая-то часть этих украшений использовалась не как серьги, а как височные подвески.

В выборке представлены три пары и три одиночные серьги/височные подвески. Все они обнаружены в женских погребениях. Ниже приводятся условия их местонахождения, если имеется информация, и описание.

Две серебряные с позолотой серьги находились в области височных костей (ограда 1, курган № 146, Зевакинский могильник) (Арсланова, Кляшторный 1972: 306—308; 310, табл. I: 4). Дужка овальная, но с небольшим расширением снизу, тем самым, образуется треугольная фигура (рис. 1: 3, 5). С несомкнутыми окончаниями. Окончания прута прямые. На одну треть прут овальный в сечении, в остальном — треугольный. В верхней части прута размещён небольшой шарик. В нижней части прута посередине имеется неширокий проем, по обе стороны которого выполнены небольшие раструбы. В этом проеме находится округлая петля из тонкой проволоки подвески с несомкнутым окончанием. На ней крепится крупная округлая бусина, сохранившаяся только у одного изделия (серьгу без подвески позднее дополнили бубенчиком, который прикручен с помощью проволоки, как это показано на рис. 1: 3). Она состоит из двух половинок. Верхняя украшена пояском из ложной зерни, расположенным по краю полусферы, также четыре полоски делят полусферу на четыре части. Ещё одна полоска окаймляет отверстие, находящееся в центре полусферы.

Нижняя часть подвески ничем не украшена. Из-за этой разницы в оформлении, создается впечатление, что верхняя часть подвески крупнее нижней. Нижнее окончание проволоки оформлено в виде мелкой закруглённой петли. Дужка с внешней стороны оформлена тремя полосками ложной зерни, размещёнными по ее центру и ребру. Центральная полоска более крупная. Эти полоски занимают поверхность прута на ⅔.

Полусферы подвески на данный момент расположены отдельно друг от друга и свободно вращаются на проволоке. Края полусфер ровные. Никаких следов припоя не зафиксировано. Позолота фиксируется на поверхности одного украшения везде, кроме верхнего окончания прута, нижней полусферы, шарика. На поверхности второго изделия позолота не обнаружена.

Рис. 1. Украшения из кимекских погребений. *1—2* — погребение 2, объект № 1, могильник Акчий I; *3, 5* — ограда 1, курган № 146, Зевакинский могильник; *4* — могила 6, курган № 3, могильник Карашат II. Фото З. Самашева.

Fig. 1. Decorations from Kimek burials. *1—2* — burial 2, object No. 1, Akchiy I burial ground; *3, 5* — fence 1, mound No. 146, Zevakinsky burial ground; *4* — grave 6, mound No. 3, Karashat II burial ground. Photo by Z. Samashev.

По обеим сторонам черепа в погребении 2 объекта № 1 могильника Акчий I находилось по бронзовой серьге (рис. 1: 1—2). (Археологические памятники 1987: 146—149, рис. 77: 5—6). Дужка округлая. Изделие небольшого размера. С несомкнутыми окончаниями. Выполнены из прута, округлого в сечении. Окончания прута заострённые. Сверху с внешней стороны прута практически посередине находится небольшой шарик. В нижней части прута имеется небольшой проем, по обе стороны от которого размещены небольшие раструбы. Через прут в этой части серьги продета шелковая ниточка, на которую нанизана округлая металлическая подвеска (на рис. 1: 1—2 украшения зафиксированы без них). Она выполнена из двух половинок, каждая из которых имеет полусферические выступы.

Массивное серебряное украшение стало единственным предметом в погребении могилы 6 кургана № 3 могильника Карашат II, которое авторы публикации определили, как женское (Арсланова, Самашев: 1987: рис. 2: 1—2). Лежало с левой стороны головы. Оно имеет треугольную в сечении крупную овальную дужку с заострёнными окончаниями (рис. 2: 4).

В верхней части находится крупный шарик. В нижней части — посередине два небольших выступа, имитирующих, видимо, характерный для древнетюркских серёг раструб. Проволока, соединяющая дужку с крупной металлической бусиной, не сохранилась. Бусина выполнена из двух полусфер, в месте их соединения оформлен нешироκий валик. Каждая из полусфер имеет в центре небольшое округлое отверстие, по четырём сторонам от которой в стороны отходят выпуклые короткие линии. Дужка по внешнему ребру украшена полоской, покрытой часто нанесённой поперечной штриховкой. По боковым граням оформлены крошечные бортики, оформление поверхности которых с помощью мелких насечек имитирует филигрань.

Разнообразный набор украшений представлен в погребении кургана, раскопанного в 1857 г. И.А. Армстронгом, в черте г. Семей. Среди них имеются серебряные серьги с массивной овальной несомкнутой дужкой, лежавшие среди других вещей на деревянном столике (Армстронг 1861). В верхней части дужки расположен округлый в основании и заострённый сверху выступ (рис. 2: 1). Нижняя часть дужки делится посередине двумя небольшими валиками, расположенными на небольшом расстоянии друг от друга. В образуемой между ними перемычке крепится петля тонкой проволоки. На её окончании находится крупная бусина, выполненная из двух полусфер и украшенная округлыми выпуклостями (Арсланова 2013с: рис. 2: 20).

В разрушенном погребении у с. Выдриха в составе сопроводительных вещей выявлена серебряная серьга (рис. 2: 2) (Арсланова 1998: рис. 2: 23). Дужка выполнена в виде несомкнутого овала, заострённая на обоих окончаниях. В верхней части дужки имеется небольшой округлый выступ. Подвеска небольшая, каплевидной формы.

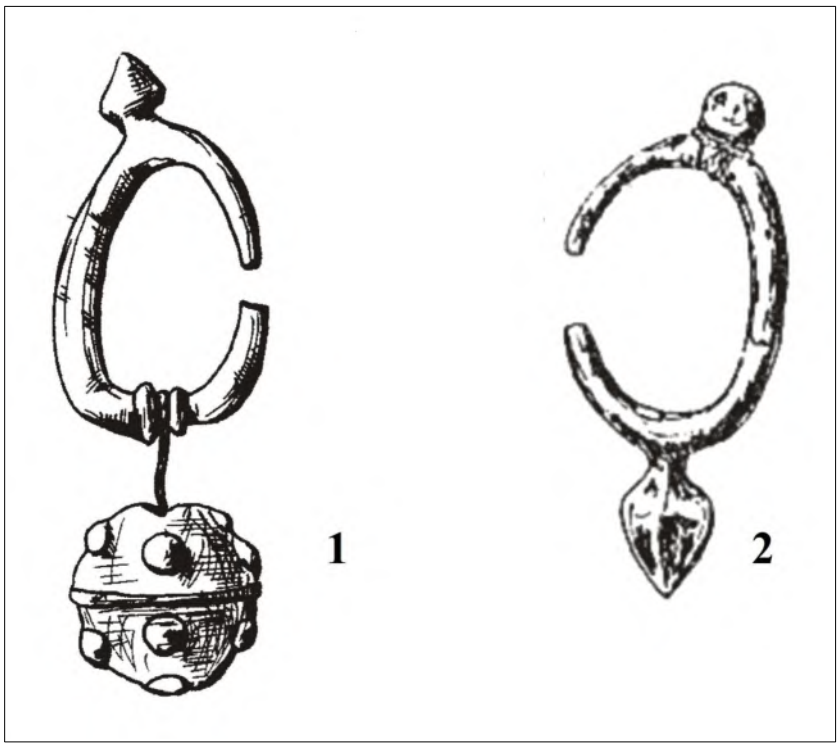

Рис. 2. Женские украшения кимеков. *1* — курган в черте г. Семей (по Арсланова 2013с: рис. 2: 20); *2* — погребение у с. Выдриха (по Арсланова 1998: рис. 2: 23).

Fig. 2. Women's jewelry of the Kimeks. *1* — burial mound within the city of Semey (after Arslanova 2013c: Fig. 2: 20); *2* — burial near the village of Vydrikha (after Arslanova 1998: Fig. 2: 23).

В ограбленном погребении 3 объекта № 14 могильника Измайловка обнаружено украшение из бронзы (Археологические памятники 1987: рис. 73: 21). Дужка овальной формы, с несомкнутыми окончаниями. Выполнена из прута округлого в сечении. В верхней части прута находится небольшой полусферический выступ на ножке. В нижней части прута посередине по обе части от него выполнено по шпеньку с округлым окончанием. Шпеньки имеют одинаковый размер и расположены вверх и вниз от прута на одинаковом расстоянии.

Два украшения из описанных здесь — из погребения у с. Выдриха и погребения 3 объекта № 14 могильника Измайловка, наиболее приближены к своему прообразу: серьгам т.н. «салтовского» типа. У них изящная дужка, детали небольшие и соразмерные. На экземплярах из погребения 2 объекта № 1 могильника Акчий I, погребения из кургана в г. Семей уже присутствуют крупные подвески в виде металлических бусин. И, наконец, своеобразие демонстрируют украшения из погребения 6 кургана № 3 могильника Карашат II, погребения ограды 1 кургана № 146 Зевакинского могильника. Возможно, эти отличия объясняются различной хронологией представленных изделий.

Таким образом, к числу популярных вариантов ушных украшений в кимекской среде относятся округлые серьги небольшого диаметра. Они одинаково часто представлены, как в мужском, так и женском костюме. Также вне зависимости от пола, они присутствуют в единственном числе или в качестве пары. Наблюдаются важные отличия в используемом металле при их изготовлении. Так, золотые украшения характерны только для мужских погребений, причем, судя по богатству и количеству вещей их сопровождающих, сложности погребального обряда они принадлежали представителям степной элиты.

К числу наиболее богатых из них относится погребение воина из кургана № 145 Зевакинского могильника, которого в мир предков сопровождали четыре лошади, две из которых взнузданные, а также собака породы тазы. Кроме небольших золотых серёг, здесь также обнаружены четыре пояса, украшенные серебряными деталями, некоторые из которых покрывались позолотой, сабля, колчан со стрелами, накладки на лук, топор-тесло, топор. Великолепными образцами средневековой торевтики оформлена сбруя боевого коня, похороненного рядом со своим владельцем (Арсланова 2013а: 30—37). Курган № 4 могильника Корболиха VIII содержал погребения мужчины и женщины в сопровождении двух коней, один из них — взнуздан. Несмотря на факт ограбления, можно предположить, что частью мужского предметного мира в данном случае являлись холодное оружие, тесло, лук и колчан (?) со стрелами (Могильников 2002: 55). В связи с ограблением, были утрачены многие важные нюансы обряда неординарного погребения 2 кургана № 4 могильника Гилево VII, в котором находились скелеты пяти человек — трех мужчин, двух женщин и пяти лошадей. Серьги из драгоценного металла украшали уши юноши — владельца внушительного комплекта оружия, в который входили сабля, кистень, колчан со стрелами, копье (Могильников 2002: 21—23).

В свою очередь, серьги с подвесками в предшествующее время выступали символами воинской культуры, знаком принадлежности к мужскому сообществу. В кимекской среде они становятся более характерными в качестве аксессуара для женского костюма.

Схожая ситуация наблюдается у средневекового населения Алтая и Хакасии. В курганах Узунтала одно золотое и два позолоченных украшения с подвесками встречены в двух женских захоронениях (курганы № 5 и 6) (Савинов 1982: рис. 5: 5—7). Две округлые серебряные — в мужском погребении этого могильника (к. № 4) (Савинов 1982: рис. 5: 8). Одна или две серьги с подвесками из бронзы с позолотой обнаружены в могиле 5 кургана № 1 могильника Сабинка, могиле 4 кургана № 3 могильника Кирбинский Лог (Савинов и др. 1988: рис. 9: 2; 12: 1—2). Две округлые бронзовые, в свою очередь, зафиксированы в трёх мужских погребениях (могилы 2, 4, курган № 1; могила 2, курган № 2, могильник Сабинка) (Савинов и др. 1988: рис. 6: 5; 7: 10; 8: 3). В женском погребении 2 могильника Ник-Хая — ещё одного объекта с территории Хакасии, найдено два массивных украшения с крупной металлической бусиной на подвеске (Худяков Нестеров: 1984: рис. 7: 1—3). Все эти памятники датируются VIII—IX в. (Савинов 1982: 117; Савинов и др. 1988: 101; Худяков Нестеров: 1984: 140).

Следует обратить внимание на некоторую вычурность в оформлении некоторых из описываемых украшений с подвесками. Неслучайно в своих публикациях ведущий исследователь средневековых памятников Верхнего Прииртышья Ф.Х. Арсланова неоднократно использует такое обозначение, как «серьги кимакского типа» (Арсланова 1998: 336, 337; Арсланова 2013с: 94, 98, 101). В одной из своих статей исследовательница описывает серьги кимеков таким образом: они «серебряные, с позолотой, в виде овального несомкнутого кольца с округлым выступом в верхней части (по его краю проходят два валика с поперечными насечками). В нижней части серьги выделен перехват для подвесного полого шарика, украшенного по верхней половине четырьмя радиальными рельефными линиями с поперечными насечками» (Арсланова 1992: 85). К этим характеристикам следует добавить массивность треугольной в сечении дужки, украшенной с внешней стороны выпуклыми линиями, покрытыми часто нанесёнными мелкими насечками. Они придают украшению дополнительный объем. Наиболее близкие аналогии этим серьгам обнаружены на территории Хакасии (Худяков Нестеров: 1984: рис. 7: 1—3; Савинов и др. 1988: рис. 12: 1—2). Их объединяют размеры дужки, увеличение её объема с помощью выпуклых полосок, наличие одной крупной металлической подвески. Можно предположить, что некоторое усложнение декора, тенденция к массивности связаны с тем, что эти украшения становятся женскими.

Значительный интерес представляет зафиксированная в данном случае ситуация, когда мужское украшение становится женским. Возможно, она может быть объяснена с точки зрения высокой значимости предметов мужской культуры и, соответственно, обладающих значительными защитными функциями, столь важными для характеристики женского костюма.

Для понимания особого статуса предметов, относимых к мужскому миру, возможно использование этнографических материалов. Такой важный элемент в жизни любого степняка-мужчины, как камча фигурирует во множестве ситуаций, когда человеку особенно необходимы помощь и защита. Так, она использовалась тувинскими шаманами для отпугивания духов (Львова и др. 1988: 192—193). Казахи с этой же целью вешали камчу у изголовья рожениц (Токтабай 2004: 6). У алтайцев её клали под подушку в случае, если роженица видела плохие сны (Львова и др. 1988: 192). Вплоть до наших дней у многих тюркских народов, например, у казахов, сохранился обычай изгонять с её помощью болезнь из тела человека (Токтабай 2004: 7). Чтобы отпугнуть злых духов, после смерти человека алтайцы прислоняли к двери дома такие предметы, как топор, пилу, ружьё, которые находились там в течение трёх дней (Львова и др. 1988: 192). Эти вещи наделялись особой защитной функцией и в связи с этим имели высокую символическую значимость.

Результаты. Серьги с подвесками встречаются, как удалось выяснить на данном уровне исследования, в большинстве своем, в женских кимекских погребениях. Ещё один вариант дизайна этой категории украшений представляют собой небольшие серьги в виде кольца, выполненные из серебра, золота, бронзы.

По материалам из кимекских погребений IX—XI вв. можно проследить, какими нюансами сопровождалась смена формы серег и приоритетов в их наделении. Для кимеков характерна в большей мере округлая форма серег, нежели форма с подвеской. Необходимо обратить внимание, что округлые золотые серьги встречаются в погребениях представителей элиты, с богатым сопроводительным инвентарем. Драгоценный металл также использовался при изготовлении предметов торевтики, используемых в костюме, воинском и конском снаряжении и нёс в себе высокую социальную значимость (Хасенова и др. 2021). В то же время их бронзовые и серебряные аналоги являются частой находкой в погребениях людей с более скромным социальным статусом.

Также у огузов в основном встречаются округлые серьги (из семи учтённых экземпляров пять именно таких) (Бисембаев 2010: 86). По наблюдению Б.Б. Овчинниковой (Овчинникова 1990: 51), округлые серьги чаще, чем в другое время, встречаются в тюркских погребениях Саяно-Алтая в IX—X вв. Возможно, данная ситуация маркирует образование новых государственных

объединений под эгидой новых групп тюркоязычных племен — огузов, кимеков, уйгуров. Происходят изменения в наделении статусности, теперь высокое социальное положение символизирует другая категория серег, поэтому именно округлые серьги встречаются в богатых погребениях кимекской знати.

Продолжением истории этого варианта дизайна серег являются женские украшения кыпчакского времени, представляющие собой нередко массивные округлые кольца с подвесками из лазурита или без. Они обнаружены в таких памятниках на территории Тоболо-Торгайских степей и Сарыарки, как выкладка Каинды-3, погребения Кызылкеныш, у с. Ауелбек (прежнее название совхоз «25 лет Октября»), курган № 5, могильник Кайнсай (Хасенова 2017: рис. 11: 3; Варфоломеев, Рудковский 2004: рис. 2: 14; Арсланова 1970: табл. I: 1; Боталов 2000: рис. 49: 8—9). Авторами публикаций они датируются XI/XII — началом XIII вв. В мужских погребениях продолжают встречаться украшения меньшего диаметра (см. напр.: Усманова 2013: рис. 133: 2). То есть, серьги в виде кольца, также статусные первоначально, в дальнейшем, меняют отчасти свой дизайн и назначение, как и серьги т.н. салтовского типа в предшествующее время.

Таким образом, серьги как важная категория вещного мира прошлого демонстрируют, помимо всего прочего, сходство процессов, протекающих на этой территории, занимаемой разными государственными объединениями степняков, и позволяют акцентировать внимание на локальных особенностях в различных точках пространства Великой степи.

Литература

Археологические памятники 1987: Акишев К.А. (отв. ред.). *Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС.* Алма-Ата: Наука.

Армстронг И.А. 1861. Семипалатинские древности. *ИИАО* Т. 2. Вып. 4.

Арсланова Ф.Х. 1969. Погребения тюркского времени из Восточного Казахстана. В: Акишев К.А. (отв. ред.). *Культура древних скотоводов и земледельце*в. Алма-Ата: Наука, 43—57.

Арсланова Ф.Х. 1970. Погребения золотоордынского времени в Павлодарской области. В: Акишев К.А. (отв. ред.). *По следам древних культур Казахстана.* Алма-Ата: Наука, 54—59.

Арсланова Ф.Х. 1972. Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье. В: Акишев К.А. (отв. ред.). *Поиски и раскопки в Казахстане*. Алма-Ата: Наука, 56—76.

Арсланова Ф.Х. 1980. Керамика раннесредневековых курганов Казахстанского Прииртышья. В: Плетнева С.А. (отв. ред.). *Средневековые древности евразийских степей*. Москва: Наука, 79—104.

Арсланова Ф.Х. 1992. Языческая символика в обрядовой женской одежде кимаков и кыпчаков. В: Матющенко В.И. (отв. ред.). *Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Тезисы докладов республиканской научной конференции*. Ч. 2. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 83—86.

Арсланова Ф.Х. 1998. Женские погребения IX—X вв. с бусами из Казахстанского Прииртышья. В: Самашев З. (отв. ред.). *Вопросы археологии Казахстана. Сборник памяти М.К. Кадырбаева.* Вып. 2. Алматы; Москва: Наука, 97—109.

Арсланова Ф.Х. 2013a. Приложение. В: Арсланова Ф.Х. *Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Материалы и исследования по археологии Казахстана.* Т. III. Астана: Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 398—404.

Арсланова Ф.Х. 2013b. Воинские захоронения кимаков в Зевакинском могильнике. В: Арсланова Ф.Х. *Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Материалы и исследования по археологии Казахстана*. Т. III. Астана: Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 28—92.

Арсланова Ф.Х. 2013c. Женские украшения кимаков и кыпчаков. В: Арсланова Ф.Х. *Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Материалы и исследования по археологии Казахстана*. Т. III. Астана: Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 93—120.

Арсланова Ф.Х., Кляшторный С.Г. 1973. Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья. *Тюркологический сборник* 1972, 306—315.

Арсланова Ф.Х., Самашев З.С. 1987. Курганы кимаков в Семипалатинском Прииртышье. В: Кузеев Р.Г. (отв. ред.). *Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья*. Уфа: Башкирский филиал АН СССР, 122—133.

Ахинжанов С.М. 1999. *Кыпчаки в истории средневекового Казахстана*. Алматы: Гылым.

Бисембаев А.А. 2010. *Кочевники средневековья Западного Казахстана*. Актобе: ИП Жанадилов.

Боталов С.Г. 2000. Поздняя древность и средневековье. *Древняя история Южного Зауралья.* Т. II, 207—430.

Варфоломеев В.В., Рудковский И.В. 2004. Средневековое погребение на речке Кызылкеныш в Кентских горах. *Вопросы истории и археологии Западного Казахстана* 3, 220—225.

Зуев Ю.А. 1992. Этнокультурные связи ранних кимеков. *Известия Академии наук Республики Казахстан. Серия общественных наук* 5, 26—38.

Кумеков Б.Е. 1972. *Государство кимаков IX—X вв. по арабским источникам.* Алма-Ата: Гылым.

Кумеков Б.Е. 1990. Об этническом составе кыпчаков XI — начала XIII вв. по арабским источникам. П*роблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана* 2, 119—130.

Львова и др. 1988: Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова А.С. 1988. *Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир.* Новосибирск: Наука.

Могильников В.А. 2002. *Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX—XI вв.* Москва: Наука.

Овчинникова Б.Б. 1990. *Тюркские древности Саяно-Алтая в VI—X вв.* Свердловск: УрГУ.

Савинов Д.Г. 1982. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры). В: Конопацкий А.К., Худяков Ю.С. (отв. ред.). *Археология Северной Азии.* Новосибирск: Наука, 102—122.

Савинов Д.Г. 2005. Древнетюркские племена в зеркале археологии. В: Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. *Степные империи древней Евразии*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 183—343.

Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. 1988. Раннесредневековые впускные погребения на юге Хакасии. В: Массон В.М. (отв. ред.). *Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири*. Ленинград: Наука, 83—103.

Токтабай А. 2004. *Культ коня у казахов*. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана.

Усманова Э.Р. 2013. Приложение 1. Отдельные объекты. *В:* Усманова Э.Р. (отв. ред.). *Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты*. Караганда-Лисаковск: Tengri LTD, 131—133.

Хасенова Б.М. 2017. Средневековый Тургай: погребальные сооружения, жертвенно-поминальные комплексы, предметный мир. В: Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С. (отв. ред.). *Культура населения Тургая и сопредельных регионов: человек и эпоха.* Алматы: ИА КН МОН РК, 51—97.

Хасенова и др. 2021: Хасенова Б.М., Омаров Г.К., Бесетаев Б.Б., Хабдулина М.К. 2021. Социальная символика предметов торевтики в кимакском обществе: статус мужчины-воина. *Oriental Studies.* Vol. 14. Iss. 6. 1188—1209.

Худяков Ю.С., Нестеров С.П. 1984. Группа погребений Ник-Хая. В: Медведев В.Е. (отв. ред.). *Археология юга Сибири и Дальнего Востока.* Новосибирск: Наука, 131—142.

References

Arheologicheskie pamyatniki 1987: In Akishev, K.A., (ed.*). Arheologicheskie pamyatniki v zone zatopleniya Shul'binskoi GES (Archaeological Sites in the Flood Zone of the Shulbinskaya Hydroelectric Power Station).* Almaty: Nauka (in Russian).

Armstrong, I.A. 1861. In *Izvestiya Imperatorskogo arheologicheskogo obschestva. (Proceedings of the Imperial Archaeological Society).* Vol. 2. Iss. 4 (in Russian).

Arslanova, F.Kh. 1969. In Akishev, K.A. (ed.). *Kul'tura drevnih skotovodov i zemledel'cev (The Culture of Ancient Cattle Breeders and Farmers).* Almaty: Nauka, 43—57 (in Russian).

Arslanova, F.Kh. 1970. In: Akishev K.A. (ed.). *Po sledam drevnih kul'tur Kazahstana (In the Footsteps of Ancient Cultures of Kazakhstan).* Almaty: Nauka, 54—59 (in Russian).

Arslanova, F.Kh. 1972. In: Akishev, K.A. (ed.). *Poiski i raskopki v Kazahstane (Searches and Excavations in Kazakhstan)*. Almaty: Nauka, 56—76 (in Russian).

Arslanova, F.Kh. 1980. In: Pletneva, S.A. (ed.). *Srednevekovye drevnosti evraziiskih stepei (Medieval Antiquities of the Eurasian Steppes).* Moscow: Nauka, 79—104 (in Russian).

Arslanova, F.Kh. 1992. In: Matushenko, V.I. (ed.). *Vtorye istoricheskie chteniya pamyati M.P. Gryaznova. Tezisy dokladov respublikanskoi nauchnoi konferencii (The second historical readings in memory of M.P. Gryaznov. Abstracts of reports of the republican scientific conference).* Pt. 2. Omsk: OmGU, 83—86 (in Russian).

Arslanova, F.Kh. 1998. In: Samashev, Z. (ed.). *Voprosy arheologii Kazahstana. Sbornik pamyati M.K. Kadyrbaeva (Issues of Archaeology of Kazakhstan. Collection in memory of M.K. Kadyrbaev).* Iss. 2. Almaty; Moscow: Nauka, 97—109 (in Russian).

Arslanova, F.Kh. 2013a. In: Arslanova, F.Kh. *Ocherki srednevekovoi arheologii Verhnego Priirtysh'ya. Materialy i issledovaniya po arheologii Kazahstana (Essays on Medieval Archaeology of the Upper*

Irtysh Region. Materials and research on the archaeology of Kazakhstan). Vol. III. Astana: Branch of A.Kh. Margulan Institute of Archaelogy in Astana, 28—92 (in Russian).

Arslanova, F.Kh. 2013b. In: Arslanova, F.Kh. *Ocherki srednevekovoi arheologii Verhnego Priirtysh'ya. Materialy i issledovaniya po arheologii Kazahstana (Essays on Medieval Archaeology of the Upper Irtysh Region. Materials and research on the archaeology of Kazakhstan).* Vol. III. Astana: Branch of A.Kh. Margulan Institute of Archaelogy in Astana, 93—120 (in Russian).

Arslanova, F.Kh. 2013c. *Prilozhenie (Appendix).* In: Arslanova, F.Kh. *Ocherki srednevekovoi arheologii Verhnego Priirtysh'ya. Materialy i issledovaniya po arheologii Kazahstana (Essays on Medieval Archaeology of the Upper Irtysh Region. Materials and research on the archaeology of Kazakhstan).* Vol. III. Astana: Branch of A.Kh. Margulan Institute of Archaelogy in Astana, 398—404 (in Russian).

Arslanova, F.Kh., Klyashtorny, S.G. 1973. In *Tyurkologicheskii sbornik (Turkological Collection)* 1972, 306—315 (in Russian).

Arslanova, F.Kh., Samashev, Z.S. 1987. In: Kuzeev, R.G. (ed.). *Problemy srednevekovoi arheologii Urala i Povolj'ya (Issues of Medieval Archaeology of the Urals and the Volga Region).* Ufa: Bashkir Branch of AS USSR, 122—133 (in Russian).

Akhinzhanov, S.M. 1999. *Kypchaki v istorii srednevekovogo Kazahstana (Kipchaks in the History of Medieval Kazakhstan).* Almaty: Gylym (in Russian).

Bisembayev, A.A. 2010. *Kochevniki srednevekov'ya Zapadnogo Kazahstana (Nomads of the Middle Ages in Western Kazakhstan).* Aktobe: IP Zhanadilov (in Russian).

Botalov, S.G. 2000. In *Drevnyaya istoriya Yujnogo Zaural'ya (Ancient History of the Southern Trans-Urals).* Vol. II. Chelyabinsk: YUUrGU, 207—430 (in Russian).

Varfolomeev, V.V., Rudkovskii, I.V. 2004. In *Voprosy istorii i arheologii Zapadnogo Kazahstana (Issues of History and Archaeology of Western Kazakhstan)* 3, 220—225 (in Russian).

Zuev, Yu.A. 1992. In *Izvestiya Akademii nauk Respubliki Kazahstan. Seriya obschestvennyh nauk (Proceedings of the Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Social Sciences Series)* 5, 26—38 (in Russian).

Kumekov, B.E. 1972. *Gosudarstvo kimakov IX—X vv. po arabskim istochnikam (The State of the Kimaks in the 9th —10th cc. according to Arabic sources).* Almaty: Gylym (in Russian).

Kumekov, B.E. 1990. In *Problemy etnogeneza i etnicheskoi istorii narodov Srednei Azii i Kazahstana (Issues of Ethnogenesis and Ethnic History of the Peoples of Central Asia and Kazakhstan)* 2, 119—130 (in Russian).

Lvova et al. 1988: Lvova, E.L., Oktyabrskaya, I.V., Sagalayev, A.M., Usmanova, A.S. 198*8. Tradicionnoe mirovozzrenie tyurkov Yujnoi Sibiri. Prostranstvo i vremya. Veschnyi mir (Traditional Worldview of the Turks of Southern Siberia. Space and Time. Material World).* Novosibirsk: Nauka (in Russian).

Mogilnikov, V.A. 2002. *Kochevniki severo-zapadnyh predgorii Altaya v IX—XI vv. (Nomads of the Northwestern Foothills of Altai in the 9th — 11th cc.).* Moscow: Nauka (in Russian).

Ovchinnikova, B.B. 1990. *Tyurkskie drevnosti Sayano-Altaya v VI—X vv. (Turkic Antiquities of Sayan-Altai in the 6th — 10th cc.)* Sverdlovsk: UrGU (in Russian).

Savinov, D.G. 1982. In: Konopatskii, A.K., Khudyakov, Yu.S. (eds.). *Arheologiya Severnoi Azii (Archaeology of Northern Asia).* Novosibirsk: Nauka, 102—122 (in Russian).

Savinov, D.G. 2005. In: Klyashtorny, S.G., Savinov, D.G. *Stepnye imperii drevney Evrazii (Steppe empires of ancient Eurasia)*. Saint Peterburg: Filologicheskiy fakul'tet SPbGU, 183—343 (in Russian).

Savinov, D.G., Pavlov, P.G., Pauls, E.D. 1988. In *Pamyatniki arheologii v zonah melioracii Yujnoi Sibiri (Archaeological Sites in the Melioration Zones of Southern Siberia).* Leningrad: Nauka, 83—103 (in Russian).

Toktabay A. 2004. *Kul't konya u kazahov (The Cult of the Horse among the Kazakhs)*. Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archaeology (in Russian).

Usmanova, E.R. 2013. In Usmanova, E.R. (ed.). *Pamyatniki Lisakovskoi okrugi: arheologicheskie syujety (Sites of the Lisakovskaya District: Archaeological Plots).* Karaganda-Lisakovsk: Tengri LTD, 131—133 (in Russian).

Khassenova, B.M. 2017. In: Bazarbayeva, G.A., Jumabekova, G.S. (eds.). *Kultura naseleniya Turgaya i sopredelnykh regionov: chelovek i epoha (Culture of the population of Turgay and adjacent regions: man and epoch).* Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 51—97 (in Russian).

Khassenova et al. 2021: Khassenova, B.M., Omarov, G.K., Besetayev, B.B., Khabdulina, M.K. 2021. In *Oriental Studies*. Vol. 14. Iss. 6. 1188—1209 (in Russian).

Khudyakov, Yu.S., Nesterov, S.P. 1984. In: Medvedev, V.E. (ed.). *Arheologiya yuga Sibiri i Dal'nego Vostoka (Archaeology of Southern Siberia and the Far East).* Novosibirsk: Nauka, 131—142 (in Russian).